

В.И. Ильин

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КОРЕЕ*

Модернизация корейской повседневности — это процесс копирования форм жизнедеятельности наиболее развитых стран мира на основе использования локальных ресурсов. В результате тренд к глобализации повседневности порождает ее глокальные формы. Южная и Северная Корея представляют два типа модернизации повседневности. В Республике Корея на первом этапе ее истории ядром этого процесса были трансформации структур повседневности, порожденные индустриализацией и урбанизацией, на втором этапе на первый план выходит формирование общества потребления. В КНДР модернизация повседневности — это только побочный продукт индустриализации и урбанизации в условиях экономической и культурной изоляции при блокировании возможностей развития общества потребления.

Ключевые слова: модернизация, повседневность, КНДР, Южная Корея, общество потребления.

Keywords: modernization, everyday life, North Korea, South Korea, consumer society.

Феномен модернизации

Категория модернизации уже многие десятилетия занимает важное место в научном и общественно-политическом дискурсе. При всем многообразии имеющихся определений можно выделить два основных подхода к данной категории. *Первый* состоит в определении модернизации в абсолютных терминах, описывающих ее как стадию развития общества в абсолютных критериях. Такой подход порождает ряд проблем. Если выбраны критерии на высоком уровне абстракции, то утилитарность категории существенно ограничивается, т. к. с ее помощью можно

* Статья написана при поддержке гранта Академии Корееведения (Республика Корея) в 2012 году (AKS-2010-CAA-2101).

провести грань лишь между «традиционным» и «современным» обществами. При этом характеристики последних устаревают быстрее, чем пишутся и публикуются монографии, посвященные им. Поскольку для определения «современных обществ» есть более точные и конкретные категории, то эвристический смысл этого понятия за пределами философии истории вызывает сомнения. Для многих деление на традиционные и современные общества — это тема сугубо исторических исследований в масштабе эпох.

Второй подход определяет модернизацию в относительных терминах, девальвирующей значимость конкретных индикаторов. Здесь современность — это вечно манящий и убегающий горизонт. «Современное» общество буквально на глазах превращается в убегающее прошлое. Модернизация — это безостановочный глобальный процесс гонки за мировыми лидерами, создающими образцы для подражания. Как отмечал А. Тойнби (Тойнби 2001: 108), внешний вызов вызывает в обществе внутренний творческий импульс, который становится уже непосредственным стимулом преобразований. Часто такую роль играет иностранное вторжение или его угроза, а также конкуренция на международной арене в самых разных сферах. Догоняющий характер модернизации нередко пытаются скрыть рассуждениями о собственном пути. Однако «общества, предпочитающие акцентировать внимание на своей самобытности, не всегда отдают себе отчет в том, что следуют за лидером» (Травин, Маргания 2004: 21).

Завершение модернизации страны означает ее превращение из догоняющего субъекта в одного из мировых лидеров. Это состояние не может быть статичным: как и в спорте, лидер должен бороться за сохранение своего статуса, иначе его место займут другие, а ему придется снова встать на путь модернизации. Именно этот подход лежит в основе данной работы.

Разумеется, страны-лидеры тоже не стоят на месте, но в основе их динамики лежат совершенно иные движущие мотивы, поэтому применение к ним категории модернизации приводит к такому расширению ее содержания, что ее эвристический смысл существенно изменяется.

Теория модернизации, объясняющая логику глобального развития с этой точки зрения, приобрела популярность в 1950–1960-е гг. Это была попытка дать ответ на вопросы, которые встали перед бывшими колониальными и полуколониальными странами, искавшими перспективы своего дальнейшего развития. В основе концепции лежала идея линейного развития мира: отставшие страны находятся на раннем этапе той же траектории, «на другом конце которой находятся ныне наиболее развитые страны Западной Европы и США», они «представляют собой традиционные общества, запоздавшие в своем развитии и стремящиеся дотянуться до уровня западных стран» (Штомпка 2005: 527).

Выражение «отстающие страны» — это характеристика не объективного положения, а самооценки со стороны и правящей элиты, и масс. «Отстающие» — это те, кто сверяет свое состояние с другими, признавая желательность быть «не хуже их» и выбирая их в качестве вектора своих устремлений. Поэтому, как верно отмечает А. Мартинелли, *«модернизацию, как правило, идентифицируют с вестернизацией, подразумевая, что западное общество становится мировой цивилизацией»* (Мартинелли 2006: 19).

Категория модернизации указывает на стремление догнать тех, кто имеет желаемое состояние. Такое стремление совсем не обязательно означает ориентацию на слепое и детальное копирование чужого образа жизни. Модернизация — это имитация чужого успеха из доступного локального материала, поэтому она неизбежно приобретает глокальные формы. Это касается и уровня общественных институтов, и форм повседневной жизни.

Идея однолинейной модернизации вызвала мощную критику. Альтернативой является тезис: *«Современность стала глобальной, но одновременно появились несколько современностей»* (Там же: 168). Критика привела к разделению категорий модернизации и вестернизации. *«Возникновение в модернизирующихся обществах структур и программ, отличных от европейских, служит доказательством несостоятельности постулатов западного проекта современности о неизбежных, одинаковых для всех обществ результатах модернизации»* (Eisenstadt 2000: 1). Это критика подхода, интерпретирующего модернизацию как состояние, описываемое в абсолютных признаках. Если же понимать модернизацию как стремление «жить не хуже, чем на Западе», как процесс избирательного заимствования элементов западного образа жизни (например, техники), интегрируемых в локальные условия, то категория множественной современности оказывается излишней. Модернизация повседневности — это процесс избирательного заимствования, не предполагающий полного копирования.

Исторические рамки модернизации

Зачатки модернизационного импульса уходят в далекое прошлое, когда взгляд на ближайших более успешных соседей, редко отличавшихся дружелюбием, стимулировал государственную политику подражания сильным, а на уровне населения — стремление копировать элементы образа жизни более успешных соседей, заимствуя завезенные оттуда предметы быта и формы поведения. Однако лишь в условиях глобализации модернизация как форма культурной динамики формируется как системное явление, глубоко проникающее во все поры жизни общества, начиная с большой политики и кончая организацией быта и форм межличностных отношений.

Географические ориентиры

На Дальнем Востоке таким центром культурного влияния длительное время выступал Китай. Реальный импульс модернизации возник тогда, когда западные страны в XIX в. начали активную борьбу за завоевание новых рынков для своей быстро растущей промышленности. В традиционные общества из дальних стран хлынули новые вещи, взламывающие социальные структуры повседневности. С этого времени модернизация приняла форму вестернизации. Однако копирование привлекательных образцов происходит из местного материала, а ввезенные элементы интегрируются в локальные условия. В результате мы наблюдаем самобытные копии чужих образцов.

Пионером этого процесса на Дальнем Востоке стала Япония в период реставрации власти императора Мэйдзи (1866–1869 гг.). Парадоксальным образом реставрация приобрела характер реальной социальной революции, когда правящие круги страны, впечатленные западным превосходством, встали на путь догоняющего развития. Корейская модернизация в конце XIX в. ориентировалась непосредственно не на Запад, а на пример успешного японского соседа. Если Япония начала этот процесс, будучи совершенно независимой страной, хотя и испытывавшей заметный прессинг со стороны Запада, то Корея попыталась встать на этот путь параллельно с переходом в зону японского господства — путь, который завершился колонизацией страны. Корея была принуждена японцами к подписанию Канхваского договора (1876 г.), открывшего порты страны для внешнего мира. В страну стали проникать новые товары и идеи, менявшие повседневную жизнь. Чуть раньше аналогичным образом американцы для своих товаров открыли Японию.

Таким образом, путь к модернизации Кореи, как ранее Японии, начался с национального унижения — модель, распространенная в мировой истории. В результате Русско-японской войны Корея оказалась насильственно втянутой в модернизацию в форме японизации.

Сначала Корея пыталась учиться опыту модернизации у Японии. Король Коджон (Gojong) в 1881 г. тайно послал в Японию группу для изучения опыта модернизации (Kim 1998: 12). В этом смысле опыт Кореи и Китая схож. В 1894 г. были предприняты широкие реформы, направленные на разрушение основ традиционного общества. Был сделан шаг в сторону преодоления феодальной социальной структуры путем ликвидации привилегий корейского дворянства (yangban) и провозглашения принципа равенства, была введена система измерений, принят новый календарь. Власти даже запретили традиционную корейскую мужскую прическу: волосы, стянутые в пучок (sangtu) (Kim 2007: 54). Как отмечала М. Дойчлер (Deuchler 1977: xii), эти реформы были «стар-

товой точкой модернизации Кореи», т. к. благодаря им в Корее появились первые «подлинно современные черты».

Превращение колонизатора в лидера процесса модернизации породило серьезные идеологические проблемы. Хотя многие корейцы от короля до простых подданных осознавали необходимость модернизации, они в то же время сопротивлялись и стыдились копирования японской модели (Kim 2007: 51).

В конце XIX в. возникло и прозападное движение модернизации, программа которого предвосхитила трансформации, развернувшиеся в Южной Корее во второй половине XX в. В 1896 г. в среде прозападной интеллигенции возник недолго просуществовавший Клуб независимости, который разрабатывал программы модернизации страны во имя защиты ее независимости перед лицом надвигающейся внешней угрозы. Среди программных задач были и такие, которые предусматривали трансформацию образа жизни корейцев: защита гражданских прав, открытие школ, предлагающих новый стиль обучения, в каждой деревне. Членами клуба была основана газета «Dongnip ainmun» — первая газета современного типа на корейском алфавите (Hangeul) (Kim 2007: 56–57).

В колониальный период японский вектор модернизации был навязан стране насильно. Метрополия предприняла некоторые шаги по модернизации жизни в Корее с целью ее превращения в эффективную колонию. Страна превратилась в рынок для японских товаров. Получила развитие система начального образования, которая выполняла двоякую функцию: с одной стороны, создавала культурную основу для японизации Кореи как предпосылки ее интеграции в империю, с другой — повышала качество местной рабочей силы.

В колониальный период происходило динамичное развитие корейской экономики. В период с 1910 по 1940 г. ежегодный прирост промышленной продукции составлял более 10 %, сельскохозяйственной — 2 %, что намного превосходило темпы развития экономики Японии (The Economic and Social Modernization... 1980: 76–77). Это позволяет утверждать, что именно в этот период были заложены основы успешной модернизации второй половины XX в.

Такая интерпретация колониального прошлого близка и понятна настроениям японской общественности (жители бывших метрополий склонны хорошо видеть позитивный элемент в колониальном прошлом), но чужда настроениям корейцев, которые склонны к сугубо негативной интерпретации того периода. Так, Нео Suyeol опубликовал в 2005 г. книгу «Развитие без развития», в которой, признавая факт экономического развития Кореи в колониальный период, обращает внимание на то, что все ключевые предприятия находились в руках японцев, которые не только владели ими, но и занимали на них основные пози-

ции, требовавшие высокой квалификации, и что цели этого экономического развития не имели ничего общего с интересами самих корейцев (Цит. по: Kim 2007: 69).

После Второй мировой войны модернизация Южной Кореи приобрела ярко выраженные очертания американизации. Старт был задан американской оккупацией, в ходе которой преодолевалось японское наследие и создавались основы новой жизни во многом по американским образцам. В страну хлынули американские товары, фильмы. В дальнейшем американизацию двигало восприятие Америки корейцами как наиболее успешной страны, на которую стоит ориентироваться. В то же время Япония, с одной стороны, рассматривается через призму унижительного и жестокого колониального прошлого (см. Ермолаева 2007), что толкает к дистанцированию от нее как от возможного образца. С другой же стороны, это ранняя и эффективная модель модернизации, которую трудно игнорировать, поэтому влияние японского примера легко просматривается во многих сферах жизни, в том числе и на уровне повседневности.

Модернизация Северной Кореи после 1945 г. пошла по пути копирования советского образа жизни. И хотя это официально не признается, но в образе жизни современной КНДР легко угадывается Советский Союз сталинской эпохи.

Уровни модернизации

Модернизация макроуровня неразрывно связана с модернизацией повседневной жизни. Этот уровень находится на периферии интереса исследователей модернизации. Ими в основном затрагивается только система ценностных ориентаций населения и изменения в структуре семьи, тесно связанные с местом в ней женщины. Цель модернизации повседневности сводится к тому, чтобы жить не хуже, чем в самых развитых странах мира. Их стандарты уровня и образа жизни превращаются в ориентиры и политики, и индивидуальных стратегий.

Энергия трансформации повседневности исходит из разных источников. Во-первых, государство, модернизируя экономику, управление, культуру и т. д., непреднамеренно вызывает соответствующие ей процессы и в повседневной жизни. Например, индустриализация, задуманная во имя создания сильной державы, влечет за собой потоки миграции в города, что радикально модернизирует образ жизни населения. Государство ничего не планирует в этой сфере, но трансформация принимает форму непреднамеренного следствия. Так происходило в обеих частях Кореи. Во-вторых, государство проводит социальную политику, направленную на приближение условий жизни населения к высоким мировым стандартам. В-третьих, независимые от государства институты

(фирмы, общественные организации и т. п.) осуществляют действия, меняющие структуры повседневности жителей страны. Так, фирмы, включенные в экономику общества потребления, в погоне за прибылью проводят автомобилизацию и насыщают быт современной техникой, меняющей социальную структуру повседневности. В Северной Корее этот канал модернизации блокирован, но играет огромную роль в жизни Южной Кореи. В-четвертых, индивиды, ориентируясь на известные им стандарты жизни в наиболее развитых странах, привозят оттуда предметы материального мира, заимствуют из произведений массовой культуры формы социального взаимодействия на уровне малых групп. Этот процесс активно идет в Южной Корее, его зачатки заметны и в КНДР.

Исторические фазы модернизации

При полном цикле модернизации обычно проявляются две качественно различные по целям и содержанию фазы этого процесса. *Первая фаза — строительство державы.* Идея построения великого государства, которое станет в ряд ключевых игроков мировой или хотя бы региональной политики, часто являлась движущим мотивом модернизации. Эта цель в последние столетия достигалась при опоре на технические нововведения, отвечающие уровню лучших мировых стандартов. Как отмечал М. Леви (Levy 1966), «всеобщим катализатором модернизации» является использование машин и механических источников энергии.

Целью обоих корейских государств является создание независимого в полном смысле государства, что предполагает его способность защищать себя, а для этого нужна сильная армия, что часто (но не всегда) предполагало создание своей оборонной промышленности, основой которой являлась собственная тяжелая промышленность. Обе Кореи создавали ядра вооруженных сил при опоре на военно-промышленный комплекс союзников. Для создания мощной державы необходима развитая экономика. Чтобы ее создать в догоняющем режиме, необходимо начинать с развития тяжелой промышленности. Все это предполагает создание мощного механизма мобилизации ресурсов нации на решение ключевых задач модернизации. И Советский Союз, и Северная Корея были достаточно успешны на этой фазе модернизации, показав результаты, дававшие основания надеяться на успех в соревновании с капиталистической системой. В 1960 г. ВВП Северной Кореи в расчете на душу населения составил 172 дол. США, а Южной Кореи — 85 (Lankov 2006: 132).

Естественным следствием такой политики является сознательное ограничение государством инвестиций в социальную сферу и роста доходов населения. Эта политика имела место и в Южной Корее, и на про-

тяжении всей истории КНДР. На этой фазе обычным является наличие развитой тяжелой промышленности, современной армии и даже успехов в космических программах, но при этом стандарты жизни большинства населения могут сильно отставать от уровня стран-лидеров. Таким образом, первая фаза модернизации, ориентированная на стратегию сфокусированного рывка, обычно характеризуется острой несбалансированностью экономического и социального развития. При этом модернизация повседневной жизни, т. е. выход на уровень стандартов современного образа жизни стран-лидеров, отодвигается в светлое будущее, которым правящая элита вдохновляет массы на трудовой героизм сегодня. Именно эта политика характерна для КНДР.

Вторая фаза — создание современного общества, которое по условиям материальной и духовной жизни населения сопоставимо со странами-лидерами. Цели первой фазы не исчезают, но теряют свое монопольное положение. Здесь сопоставляются уже не державы, а общества! Ядром новой социальной макросистемы является **общество потребления**, опирающееся на экономику, в существенной мере ориентированную на внутренний розничный рынок, обеспечивающий мощный импульс экономическому развитию. На этой фазе модернизация повседневности — не только побочный продукт, но и ключевая цель экономического развития. Для широких слоев населения в догоняющих странах притягательным примером является сытость населения в странах-лидерах и свобода потребительского выбора. И хотя критическое отношение к обществу потребления у его членов приобрело заметные масштабы, мало кто из них видит приемлемые альтернативы ему. Издалека же это общество видится реальным светлым будущим, к которому стоит стремиться. Другими притягательными ориентирами, которые по масштабам своей популярности не сопоставимы с обществом потребления, являются гражданское общество и правовое государство, что означает защищенность жизни индивида от произвола чиновников и бизнеса. Большой привлекательностью, усиливаемой соблазном доступности, обладает также информационное общество, радикально меняющее пространство повседневности. Южная Корея вышла на эту ступень модернизации в конце XX в., а Северная Корея так и осталась на фазе борьбы за строительство державы со всеми вытекающими для образа жизни населения последствиями.

На этой фазе модернизации страны государственного социализма не выдержали конкуренции. Крах СССР во многом был вызван неспособностью его системы предложить населению страны образ жизни, по качеству не уступающий образу жизни западных стран-конкурентов. Развал социалистической системы сильно подорвал экономику КНДР, оторванную от мирового рынка. Отставание Северной Кореи от Южной

начало приобретать непреодолимые масштабы. Так, ВВП КНДР в середине 2000-х гг., по оценкам экспертов, составлял примерно одну десятую от уровня Республики Корея (Lankov 2006: 112).

Образование как ресурс модернизации

Образование в Республике Корея играет двойную роль. С одной стороны, оно является одним из решающих факторов модернизации образа жизни корейцев. Сам процесс обучения занимает огромное место в биографии каждого современного жителя страны. Полученное образование позволяет включиться в современный рынок труда, получить современную профессию. Содержание современного корейского образования и используемые методы обучения в существенной мере заимствованы в США. Рост уровня образования влечет за собой изменение многих структур повседневной жизни. Например, превышение показателя уровня грамотности населения в 80 % сопровождается существенным падением уровня рождаемости (Deutsch 1961). Это изменение в свою очередь связано со сдвигами в организации семейной жизни, образцами выхода на рынок труда и т. д.

С другой стороны, само отношение корейцев к образованию как к лифту социальной мобильности обусловлено не только логикой современного рынка труда, но и укоренено в традициях конфуцианства, которое накладывает свой отпечаток и на образовательные технологии.

Конфуцианские корни в Корее глубоки: первый национальный университет, где изучались китайская традиция и конфуцианская классика, был создан еще в 992 г. На протяжении столетий Китай был культурным ориентиром, а конфуцианство формировало мотивацию: успешная учеба открывала путь к бюрократической карьере. В то же время в рамках этой традиции практические дисциплины, имевшие особое значение для обеспечения динамичного экономического развития, популярностью не пользовались.

Образование, адекватное логике индустриального общества, появилось в Корее в последней четверти XIX в., когда американские протестанты начали создавать в Корее учебные заведения западного типа. Однако в период японского господства эта система стала сворачиваться. После Второй мировой войны по инициативе американской военной администрации, опиравшейся на корейский консультационный орган, была проведена реформа системы образования по образцу США (Kim 2007: 228).

На этом этапе исторического развития Южной Кореи традиционная для корейцев ориентация на образование как путь к жизненному успеху получила невиданные прежде возможности для реализации. В 1945 г. только около 20 % корейцев имели тот или иной уровень школьного об-

разования, лишь 5 % в своем образовании выходили за рамки начальной школы, и только один процент корейцев имел высшее образование. В последующие полвека ситуация изменилась радикально. Удельный вес выпускников высшей школы, которые продолжили свое обучение в колледжах и университетах, увеличился с 79,7 % в 2003 г. до 82,1% в 2005 г. Этот показатель был на четверть выше американского (Ibid: 229, 233).

Система образования Южной Кореи, с одной стороны, опирается на солидную поддержку государственного бюджета. Это относительно новое явление: только в 1985 г. начался переход от обязательного начального к всеобщему обязательному среднему (9 классов) образованию. Этот процесс завершился лишь к 2002 г. Сейчас по доли ассигнований на образование в ВВП Корея занимает одно из наиболее заметных мест в мире.

С другой стороны, важную роль в жизни страны играют частные школы. В начале века их посещали 30,2 % всех учащихся страны. Из 349 высших учебных заведений 86,2 % приходилось на частные колледжи и университеты (Kim 2007: 233).

Образование в Северной Корее также сделало скачок в своем развитии после освобождения от колониальной зависимости, однако первоначально образцом для реформы здесь был Советский Союз. И так же, как в Южной Корее, институциональные заимствования сочетались с поддержанием конфуцианской традиции. В соответствии с традициями американской системы образования, ставшей ареной процесса рационализации, который Дж. Ритцер окрестил как «макдональдизацию», одним из проявлений этого феномена является квантификация. Наиболее ярко она проявляется в тестах (the Scholastic Aptitude Test — SAT и American College Test — ACT). Эта система была заимствована и в Республике Корея (CSAT), где она наложилась на древнюю конфуцианскую традицию и приобрела характер испытания, принимающего судьбоносный характер (Ibid: 241). Поступление в наиболее престижные университеты Южной Кореи — это сложный процесс, проходящий в условиях жесткой конкуренции. Борьба за место начинается уже в пятом — шестом классах начальной школы, а порою и в детском саду. С раннего возраста ученики занимаются по несколько часов после школы с частным репетитором или посещают частные центры подготовки к экзаменам. Нередко они берут с собой ланч для школы и ужин для поздних занятий с репетитором, уходят из дома ранним утром и возвращаются к полуночи. Искривление позвоночника — распространенное следствие ежедневной переноски тяжелых школьных сумок и ранцев. Для многих детей и их родителей подготовка к вступительным экзаменам стала физически и эмоционально изнуряющей, не говоря уже о том,

что это тяжелое финансовое бремя. Но на кону большие ставки: провал на экзамене может означать падение с социальной лестницы. Как сообщалось в докладе комитета по образованию для Национальной ассамблеи, из-за экзаменационной лихорадки с 2001 по 2004 г. совершили самоубийства 462 чел. Из 3117 школьников средних и старших классов, включенных в выборку 2005 г., 58,6 % подумывали о самоубийстве из-за низких результатов теста (Kim 2007: 237–238). Жесткая конкуренция идет именно за поступление в наиболее престижные университеты. В целом же статистическая картина весьма успокаивающая: на 2006–2007 гг. в высших учебных заведениях были открыты для приема первокурсников 640 тыс. мест, но в 2006 г. окончили школу только 557134 чел., т. е. оказалось на 80 тыс. больше мест, чем абитуриентов (Ibid: 238–239). Таким образом, поступление в провинциальные университеты не составляет большого труда и не требует больших жертвоприношений, однако такой путь получения образования отсекает наиболее перспективные пути социальной мобильности.

Культурная глобализация

Мощным проводником культурной вестернизации является английский язык, который выполняет в мире функции не столько иностранного, сколько глобального языка общения. Владение им ускоряет усвоение глобальной культуры, т.к. исчезает потребность в языковых посредниках, опора на которых и замедляет этот процесс, и удорожает его.

Южная Корея, давно и успешно вставшая на путь интеграции в глобальную экономику, по этому показателю долгое время серьезно отставала от объективных потребностей рынка. Лишь в XXI в. начали предприниматься энергичные усилия по решению этой проблемы.

Сначала английский язык стал преподаваться в частных детских садах и частных центрах репетиторства (hagwon), став прибыльным бизнесом. С 2008 г. началось преподавание английского языка в начальной школе в объеме два часа в неделю. Лучшие университеты начали активно участвовать в программах студенческого обмена, стимулируя своих студентов к обучению за рубежом, приглашая иностранцев для обучения к себе (Kim 2007: 235–236). Характерной чертой прогресса корейской культурной модернизации стало стремление молодежи учиться за границей, особенно в США. В период с 1948 по 2004 г. 15756 корейцев получили там докторские степени. В 2003–2004 учебном году более 50 тыс. корейцев обучались в университетах и колледжах Америки. Это третий показатель в мире после Индии (79736 чел.) и Китая (61765 чел.). В 2006 г. корейцы составили 15 % всех иностранных учащихся заведений всех уровней в США, достигнув численности в 100 тыс. чел. и выйдя по этому показателю на первое место (Ibid: 236). До 2000 г. учиться за гра-

ницей разрешалось только выпускникам колледжей и университетов. Однако затем был принят закон, разрешивший обучение за границей и выпускникам средних школ. С этого времени начали посылать на обучение за границей и учащихся начальной школы. Многие родители считают, что если пораньше отправить детей в Америку, то они смогут овладеть английским, почти как американцы (Kim 2007: 236–237).

США — наиболее популярное место для корейцев, желающих учиться за границей. На них приходится 28,7 % всех выезжающих. Следом идут Канада, Новая Зеландия, Австралия и Великобритания. Явное предпочтение отдается англоязычным странам (Ibid: 240). Северная Корея, в силу разных причин находящаяся в изоляции, закрыта от веяний культурной глобализации.

Модернизация быта

Традиционный быт до недавнего времени доминировал не только в сельской местности, но и в городах обеих частей страны. Его ключевая характеристика — отсутствие коммунальных удобств, являющихся маркером XX в., и бытовой техники, существенно облегчающей домашний труд. При этом существенные различия между Севером и Югом стали проявляться лишь в последние десятилетия прошлого столетия.

Модернизация южнокорейского быта — достаточно новый феномен. Чунг Сун Ким так описывает наблюдавшуюся им динамику в этой сфере: «Когда я покинул Корею в середине 1960-х гг., это была бедная аграрная нация с ВВП около 100 долл. на душу населения. Из-за низкого уровня корейской экономики и вытекающего из этого низкого уровня жизни до отъезда в Америку я никогда не пользовался туалетом западного типа с туалетной бумагой. Там я впервые увидел холодную и горячую водопроводную воду в туалете. Я никогда до этого не ел обед западного типа из нескольких блюд. Я не знал, что делать с несколькими вилками и ножами, когда меня пригласили на День Благодарения в большом отеле в Атланте (Джорджия)» (Ibid: 256). Аналогичные рассказы о недавнем прошлом я слышал и от моих южнокорейских коллег. Но в последние десятилетия XX в. общая экономическая модернизация в контексте глобализации вызвала радикальные изменения жилищных условий множества жителей Южной Кореи. Современные дома (в основном многоэтажные) стали типичными элементами городского ландшафта. Благодаря глобализации проникновение сюда современной бытовой техники началось очень рано (это отличает Южную Корею от КНДР), хотя низкий уровень жизни сдерживал ее распространение. В последние десятилетия XX в. существенно вырос уровень доходов, что сделало современную бытовую технику широко доступной. Этому способствовало и превращение Южной Кореи в мирового производителя этой продукции.

Города Северной Кореи сильно пострадали в годы Корейской войны, столица страны — Пхеньян — вообще была почти полностью разрушена в результате американских бомбардировок. Восстановление шло в основном с опорой на свои ограниченные силы и в контексте высокого уровня милитаризации государственного бюджета, поэтому восстановленные дома часто не превосходят стандарты традиционного жилья. Жилища современного типа (многоэтажные жилые дома) в массовом масштабе строились в основном в Пхеньяне, где они сконцентрированы в центре города и обрамляют ключевые магистрали, создавая иллюзию иных масштабов модернизации. С высотной башни в Пхеньяне нам показывали панораму совершенно современного города, украшенного высотными зданиями. Однако с помощью длиннофокусного объектива даже отсюда я без труда мог снять «оазисы» трущобного жилья, окруженные многоэтажками.

Особенно много трущобного жилья в восточной части города, где только главные улицы украшены современными домами. А. Ланков так описывает облик этого района в 1980-е гг.: «Весь остальной Восточный Пхеньян — это море плотно прижавшихся друг к другу маленьких кирпичных и глинобитных домишек, которые тянутся на многие километры. Там нет даже улиц в точном смысле этого слова, а лишь извилистые неасфальтированные проходы и проезды между домами. Типичный пхеньянский одноэтажный дом представляет из себя невысокое сооружение с черепичной или шиферной крышей, оштукатуренными и выбеленными кирпичными стенами» (<http://lankov.oriental.ru/nk10.shtml>). В силу экономической изоляции и низкого уровня доходов населения проникновение в страну иностранной бытовой техники имеет очень ограниченные масштабы, а собственное производство и отстает от современных стандартов, и не соответствует по количественным показателям потребностям населения. В магазинах для иностранцев (аналог советской «Березки»), куда имеет доступ ограниченный круг местной номенклатуры, я видел небольшой ассортимент современной (в основном японской) бытовой техники.

Религия и модернизация

Религиозные взгляды — важная часть жизненного мира индивида, обеспечивающая его ориентацию в пространстве и времени, его интеграцию в общество. Не удивительно, что трансформация религиозной жизни — это составляющая общего процесса модернизации. Западная Европа начала вхождение в эпоху капитализма параллельно с Реформацией. В результате, с одной стороны, появилась система религиозных взглядов, которая стала составной частью духа капитализма. С другой, Реформация вынудила традиционный католицизм встать на путь модер-

низации, т. е. приведения его в соответствие с реалиями жизни людей в новой социально-экономической системе. Модернизация догоняющих стран также предполагает адаптацию религиозности применительно к вызовам этого процесса.

В Республике Корея ключевое место в модернизации жизненного мира заняло распространение протестантских деноминаций из США, проникновение которых в Корею началось еще в конце XIX в. и приняло массовые масштабы после Второй мировой войны, а также модернизированного католицизма. Как отмечает А.В. Пак, «в сегодняшнем мире Южная Корея уникальна тем, что является единственной страной из азиатских государств, в религиозной жизни которых протестантизм занимает доминирующее положение» (Пак 2011: 148).

В Южной Корее был проведен опрос 200 видных специалистов в области религиоведения и других смежных дисциплин относительно того, какая деноминация оказала наибольшее позитивное влияние на корейскую модернизацию XX в. 60,8 % опрошенных назвали протестантские церкви, 33,3 % — католическую и лишь 1,6 % — буддизм и другие традиционные вероисповедания (Kim 2007: 208).

В то же время и традиционный буддизм, столкнувшись с проблемой своей неадекватности новым реалиям жизни современных корейцев, встал на путь модернизации, в процессе которой традиционное учение корректирует свои практики, вписывая их в возможности и потребности городской современной жизни. Государства, вставшие на путь этатистской модернизации, тоже столкнулись с проблемой неадекватности традиционных религий для решения задач ускоренной догоняющей модернизации. В качестве выхода этими государствами был избран путь создания светских религий: в СССР — «марксизма-ленинизма», а в Северной Корее — «идей чучхе». С одной стороны, эти мировоззренческие системы декларировали атеизм, а с другой — предлагали систему верований и ритуалов, по существу являющуюся религией, претендующей на проникновение и в повседневную жизнь людей. Пионерами были большевики (см. Ильин 2000). Идеи чучхе, разработанные Ким Ир Сенем в Северной Корее, формально отрицали религиозную корейскую традицию, но фактически своими корнями уходили в конфуцианство (см. Курбанов 2009).

Уровни модернизации повседневной жизни

Основное содержание модернизации повседневности — это заимствование форм жизни у стран-лидеров. Модернизация повседневности может иметь разную степень глубины. *Поверхностный уровень* — это заимствование предметов, формирующих материальную среду повседневности. Заимствуется идея предмета, при этом не важно, где

он произведен. Многие азиатские страны сейчас производят существенную часть используемой ими и странами Запада бытовой техники. Но это чаще всего формы, по существу заимствованные на Западе и копируемые, усовершенствуемые в модернизирующихся странах. Просто заимствование предметов еще не меняет отношений между людьми.

Глубинный уровень — это изменение социальной структуры повседневности. Очень часто катализаторами этих процессов являются заимствованные материальные предметы, меняющие образ жизни (например, автомобиль, телевизор, бытовая техника, компьютер с выходом в Интернет, мобильный телефон и т. д.). Нельзя пользоваться этими предметами, не адаптируя к новым условиям социальные отношения на уровне семьи, неформальных и формальных малых групп в сфере труда и досуга.

Внешне заимствование предметов и форм отношений выглядит как развертывание глобализации. Однако при рассмотрении этих процессов с близкого расстояния оказывается, что полное заимствование случается редко. Заимствованный предмет выступает катализатором социально-культурной трансформации местной среды. Это совершенно иной материал, из которого не может получиться точная копия того, что имело место в странах-лидерах. Таким образом, глобализация повседневности, как правило, принимает форму компромиссной, гибридной глобализации.

Заключение

Таким образом, модернизация повседневной жизни, понимаемая как процесс преодоления отставания от стран-лидеров, имеет разные формы и ориентации. Ее однолинейность сводима, во-первых, к устремлению «жить не хуже, чем там», во-вторых, к заимствованию технологий. Первый этап модернизации — это строительство сильного государства. Северная и Южная Корея пошли принципиально разными путями в формировании институциональной структуры общества, однако на этом этапе оба государства ставили схожие стратегические цели и опирались на политику мобилизации ресурсов, что имело и схожие последствия для образа жизни населения. На втором этапе Южная Корея пошла по пути формирования общества потребления, что радикально изменило повседневную жизнь населения. Северная Корея в силу и внутренних институциональных причин (несовместимость общества дефицита с консюмеризмом), и внешних геополитических факторов (развал системы социализма) на этот этап не вышла, законсервировав модернизацию повседневности на уровне, достигнутом на первой фазе в результате индустриализации и урбанизации.

Литература

Антеева О.В. Сонгун — политика военного социализма // Корея: Взгляд из России. Доклады, представленные на XI научной конференции корееведов России и стран СНГ. 29–30 марта 2007 г. М.: ИДВ, 2007. С. 113–121.

Баранов Е.П. Корейские зарисовки. М.: Восток-Запад, 2010.

Ермолаева Е.М. Антияпонские настроения как феномен современного южнокорейского общества // Корея: Взгляд из России. Доклады, представленные на XI научной конференции корееведов России и стран СНГ. 29–30 марта 2007 г. М.: ИДВ, 2007. С. 94–99.

Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.

Курбанов С.О. Идеи чучхе: конфуцианская традиция // Восточная коллекция. 2001. № 4 (7). Осень. С. 58–65. [<http://all-on-korea.narod.ru/modernjuche.html>].

Курбанов С. О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009.

Ланьков А. Жилье в Пхеньяне. [<http://lankov.oriental.ru/nk10.shtml>].

Мартинелли А. Глобальная модернизация. Переосмысляя проект современности. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006.

Мелихов А. Республика Корея: в поисках сказки. Корейцы в русских зеркалах. СПб.: Лимбус Пресс, 2011.

Пак А.В. Проникновение протеста низам в Корею: начальный этап // Корея: десятилетие новых возможностей. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 148–157.

Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011.

Симбирцева Т.М. Корея на перекрестке эпох. М.: Муравей-Гайд, 2000.

Тойнби А.Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1. М.; СПб.: Terra Fantastical, 2004.

Штомпка П. Социология. Учебник. М.: Логос, 2005.

Chung Chung-gil, Jeon Chang Gong. The farmer's Market in North Korea: The Seed of Capitalism? // East Asian Review. 2000. Vol. 12. No 1. Pp. 101–115.

Chung Huyn-ro. Conceptual Problems of Modernization: a Korean Perspective // Modernization of Korea and Impact of the West / Ed. Be Changsoo Lee. University of South California, East Asia Studies Center, 1981.

Deutsch K. Social mobilization and political development // American Political Science Review. 1961. Vol. 55. Pp. 493–514.

Deuchler M. Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys: The Opening of Korea, 1875 — 1885. Seattle: University of Washington Press, 1977.

The Economic and Social Modernization of the Republic of Korea / Mason E.S. et al. Cambridge: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1980.

Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129. No 1. Winter.

Ho Keun Song. The Birth of a Welfare State in Korea: The Unfinished Symphony of Democratization and Globalization // Journal of East Asian Studies. 2003. Vol. 3. P. 405–432.

Kim Ch. S. A Korean Nationalist Entrepreneur: A Life History of Kim Songsu, 1891 — 1955. Albany: State University of New York Press, 1998.

Kim Ch. S. Kimchi and IT. Tradition and Transformation in Korea. Seoul: Ilchokak Publishing Co., 2007.

Региональные исследования

Lankov A. Bitter Taste of Paradise: North Korean Refugees in South Korea // Journal of East Asian Studies. 2006. Vol. 6 Pp. 105–137.

Levy M. Modernization and the Structure of Societies. 2 vol. Princeton: Princeton University Press, 1966.

Manufacturing Miracles. Paths of Industrialization in Latin America and East Asia / Gereffi G., Wyman D. (Eds.). Princeton: Princeton University Press, 1990.

Political Economy of the New Asian Industrialism / Deyo F. (Ed.). Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1987.

The Quality of Life in Korea: Comparative and Dynamic Perspective / Ed. By Doh Chull Shin, Conrad Rudkowski, Chong-Min Park. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publisher, 2003.